

Walter Ruben. Einführung in die Indienkunde. — Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1954. 390 стр., 5 карт.

Книга В. Рубена, с которой познакомились недавно советские востоковеды, является первым опытом систематического рассмотрения индологических наук в свете марксистского их понимания. В. Рубен известен индологам как автор ряда трудов по истории индийской культуры, в том числе курса истории индийской философии и ценных работ о литературе и религии доарийских обитателей Индии.

Рецензируемая книга написана на основе курса лекций, прочитанных автором осенью 1952 г. в Университете Гумбольдта. В. Рубен видит задачи индологии в том, чтобы обобщить результаты исследований Индии учеными различных специальностей. Поэтому он очень широко понимает содержание курса по введению в индологию, рассматривая в нем вопросы географии, этнографии, археологии, истории, политэкономии, религии, философии, изобразительных искусств, музыки, вопросы истории развития точных наук и медицины. Большое место занимает рассмотрение индийского фольклора, художественной литературы, а также языков Индии.

Изложение всех указанных разделов курса начинается с данных, относящихся к древней Индии, и доводится до наших дней. В краткой рецензии мы оставляем в стороне вопрос о целесообразности столь неоднородного по тематике курса, а также вообще вопрос о задачах курсов по введению в ту или иную науку или комплекс наук.

Если обратиться к конкретному содержанию книги В. Рубена, то очевидно, что советские востоковеды не могут пройти мимо такого многостороннего и полемического труда об Индии. Но разделы, посвященные разнообразным наукам, могут быть в полной мере оценены лишь индологами соответствующих профилей.

В нашу задачу входит рассмотрение проблем языкознания в рецензируемой книге. Они составят три группы вопросов, которые по месту, занимаемому в этом труде, расположатся в следующем порядке: 1) характеристика языков Индии, 2) история индийской филологии, 3) развитие в Индии науки о языке. Остановимся на каждой из этих групп.

•

Из содержащихся в книге 31 главы языкам Индии посвящена целиком глава 8-я «Языки Индии» (стр. 89—101, разделы: «Проблема языка жестов», «Языки мунда и дравидийские», «Ведийский язык», «Санскрит», «Пракрит», «Эпический санскрит», «Пракриты», «Новоиндийские языки»), частично глава 1-я «Каковы задачи введения в индологию» (стр. 1—9, раздел «Языки Индии»), глава 2-я «История индологии» (стр. 9—25, особенно раздел «Начало подлинной буржуазной индологии»), глава 4-я «Этнография индийских племен» (стр. 38—52, разделы «Арийцы и неарийцы», «Локализация племен»), глава 12-я «Сутры» (стр. 140—153, раздел «Историческая обстановка»), глава 15-я «Бхагавадгита и Махабхарата» (стр. 176—188), глава 18-я «Кушанский период» (стр. 211—223, раздел «Ашвагхоша»), глава 20-я «Последние века перед исламом» (стр. 235—248, разделы «Начало феодализма», «Бхамаха и Дандин»), глава 21-я «Ислам в Индии с 636—1500 г. н. э.» (стр. 248—260, раздел «Поэтика»), глава 24-я «Индия с 1500—1700 г.» (стр. 280—285, последний раздел); единичные упоминания о языках имеются и в других главах.

В. Рубен рассматривает языки Индии в связи с вопросами развития индийской культуры. Поэтому характеристику индийских языков мы находим во многих главах книги. Автор удачно сочетает обзор литературы и искусства с характеристикой языков соответствующего периода; см., например, разделы о литературе, искусстве и языках в кушанский период (стр. 216), о творчестве Чанда Бардаи и становлении литературного хинди (стр. 255) и др.

При освещении ряда общетеоретических вопросов языкознания (связь истории языка с историей народа, понятие языкового родства, «язык» жестов, соотношение литературного языка и народного диалекта и др.) В. Рубен во многом исходит из теоретических основ советского языкознания, опираясь на работы по общему языкознанию советских лингвистов.

Приступая к систематическому обзору языков Индии, автор, вопреки старым традициям индологии, начинает с языков дравидийской группы и группы мунда. Следует отметить, что остатки доарийских языков Индии могли сохраниться в языках более поздних, вплоть до современных. Для воссоздания сложной истории развития языков Индии представляется важным выяснение наличия в них доарийских элементов. В настоящее время воздействие доарийских языков Индии на индо-арийские языки исследуется Куенером, Майрхофером и некоторыми другими исследователями.

Сущность истории формирования языков Индии В. Рубен усматривает в ассимиляции языковых влияний, приходящих извне в связи с историческими событиями на территории Индии. Наиболее сильным и устойчивым оказалось древнейшее влияние арийского языка. Автор пишет, что в то время при смешении языков в северной Индии не возник новый язык, а продолжал развиваться арийский, который обогатился до-

арийскими словами. Между прочим, В. Рубен считает, что отличие ведийского языка от санскрита определяется именно различной степенью доарийских влияний.

Разговорный язык арийских племен, появившихся на территории Индии, до нас не дошел. Сохранившийся в памятниках ведийской литературы так называемый ведийский язык автор характеризует как литературный диалект начинающего формироваться в касту жречества. Поэтому он считает, что ведийский язык как диалект от общенародного языка не представляет большой ценности для языковедческих исследований.

С этим нельзя согласиться, так как гимны Ригведы в силу архаичности своего языка представляют большую ценность для историка-языковеда. Кроме того, гимны Ригведы важны как источник сведений о жизни древней Индии (об этом говорит и сам В. Рубен на стр. 89), а следовательно, заслуживают внимательного изучения в подлиннике. Можно предположить, что язык части гимнов Ригведы не был очень далек от народного языка того времени. В. Рубен недооценивает факт несомненной неоднородности гимнов, составляющих Ригведу. Существует мнение, что отдельные гимны Ригведы были написаны на племенных диалектах¹.

Едва ли можно принять утверждение автора (стр. 93), что внутри сборника Ригведы, а также сборников Самаведы, Атхарваведы и Яджурведы нельзя говорить о каких-либо языковых различиях, кроме стилистических. О языковой неоднородности сборников свидетельствуют конкретные исследования текстов².

Четыре сборника Вед возникли не одновременно. При всей сложности вопроса об их датировке, не без оснований общепризнанным является мнение, что наиболее древним является сборник Ригведа. Следует отметить, что если В. Рубен касается вопроса о датировке Вед, то всюду имеет в виду только Ригведу, не упоминая трех других сборников. Конечно, вопрос о датировке Вед, а следовательно и ведийского языка, мог не занимать много места в обширной по тематике работе Рубена. Однако и при беглых высказываниях по этому поводу автор мог бы учесть точку зрения, высказанную в недавней работе Хертеля³.

Существенные изменения В. Рубен усматривает лишь в языке поздней ведийской литературы, в языке прозы Брахман и Упанишад. «Но язык Брахман уже больше не отличается от языка Сутр...», — пишет он, — язык же этих текстов Сутр... уже представляет собою санскрит» (стр. 93).

По мнению В. Рубена, вопрос о возникновении санскрита неясен, но этот процесс связан с окончательным оформлением жрецов в особую касту. Желая отличаться от народа и кшатриев (Schwertadel), они пришли к тому, что выработали (pflegten) свой собственный литературный язык на основе развивающегося народного языка под сильным влиянием литературного языка ведийских гимнов. Далее автор пишет: «Наряду с этим „совершенным“ санскритом брахманства этих веков существует менее ученый санскрит менее ученых людей» (стр. 96). Это — язык военной аристократии и торговцев, сохранившийся в эпосе. Слишком сжатое описание в книге санскрита эпических произведений не позволяет видеть степень его употребления.

Заслуживает внимания мнение индийского ученого Прабхатчандра Чакраварти, который считает, что в период расцвета санскритской литературы санскрит несомненно был разговорным языком. Dvijāti, которые изучали Веда, вероятно, говорили на санскрите⁴. В краткой рецензии мы не должны и не собираемся давать в какой-то мере исчерпывающее освещение сложнейших вопросов, связанных с возникновением и характером развития языка, обозначаемого общим термином санскрит. Но необходимо заметить, что картина формирования санскрита, нарисованная В. Рубеном сжато и сначала в основных чертах правильно, в дальнейшем изложении предстает в несколько упрощенном виде.

Санскрит времен Панини и периода создания наиболее старых мест эпических поэм сосуществовал с пракритами. Рост влияния последних (пракриты⁵ были языками джайнизма, пали-буддизма) вызвал потребность оградить санскрит как признанный язык брахманства от влияний на него народной речи. Так появляется понятие о нормативном, обработанном языке (saṁskṛta), отвечающем правилам грамматики Панини. Следует учитывать, однако, что нормативный язык брахманства представлял в значительной мере искусственные рамки, в которых должен был сохраняться язык, отошед-

¹ См. А. П. Бараников, *Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции*, ВЯ, 1952, № 2, стр. 50.

² См., например, Ф. Фортунатов, *Sāmaveda — Āraṇyaka — Samhitā*, М., 1875, стр. 1—8 (Введение).

³ J. Hertel, *Einwanderung der Indogermanen nach Indien*, «Archiv Orientalní», vol. XIX, № 1—2, 1951.

⁴ Prabhatchandra Chakravarti, *The Linguistic Speculations of the Hindus*, Calcutta, 1933, стр. 274—276.

⁵ Имеются в виду ардхамгадхи, джайна-щатурасени и джна-махараштри.

ший от живой линии развития народных языков Индии. Этот «язык», обычно связываемый учеными с «нормами» Панини, повидимому, не унаследовал основной массы слов из разговорного народного языка времен Панини, приводимой в его грамматике¹. Это — так называемый классический древнеиндийский язык, классический санскрит.

Требует дополнительных пояснений высказывание В. Рубена о том, что «эпический санскрит существовал наряду с классическим» (стр. 96). Вызывает возражение тот факт, что, понимая санскрит очень широко, автор не считает необходимым говорить о его исторической неоднородности. О некоторых особенностях классического санскрита он вынужден говорить очень бегло, как о своеобразии литературного языка времен Харши (проза Bāna, стр. 239).

При рассмотрении природы санскрита В. Рубен ближе всего подходит к взгляду на санскрит как на застывший, мертвый «язык науки», с узко кастовой сферой применения. Если буржуазные индологи прошлого, исходя из этого взгляда, делали вывод о том, что из древних языков Индии достоин изучения именно язык самой образованной части общества², то в последние годы, исходя из этого же взгляда на санскрит, некоторые ученые приходили к противоположному вульгаризаторскому выводу о том, что санскрит как искусственный язык, далекий от народного, не должен служить предметом исследования языковедов. Пороку кажется, что и автор рецензируемой работы близок к подобному взгляду (см. стр. 91).

Материал, связанный со среднеиндийскими языками — пракритами, изложен обстоятельно, несмотря на небольшой объем очерков о пракритах в таком многостороннем исследовании об Индии, каким является «Введение» В. Рубена. Однако автор недостаточно останавливается на характеристике языка пали, а языком апабхρανца, представляющим более позднюю форму пракритов, он посвящает всего четыре строчки (стр. 98). В связи с важностью вопроса о формировании языков современной Индии на языках апабхρανца следовало бы остановиться подробнее³.

Описание основных современных языков Индии сделано сжато, но достаточно полно. Проблема «многоязычия» рассматривается в соответствии с мнением Датта⁴.

В книге удивляет отсутствие характеристики индийской письменности. В. Рубен ограничивается отдельными упоминаниями писмен brāhmī и kharoṣṭhī и вскользь положительно отзывается о принципах построения индийского алфавита.

Индийской филологии посвящены глава 2-я «История индологии» (стр. 9—25), раздел «Текстологическая работа над эпическими произведениями» в главе 16-й (стр. 188—199) и отдельные высказывания в других главах книги.

Положительным является тот факт, что автор в разделах по истории индологии обстоятельно характеризует и оценивает все основные работы индологов прошлого. Он хорошо осведомлен и о работах современных ученых. Особенно ценным является хорошее знакомство с новыми работами индийских ученых (см., например, стр. 188). На страницах, посвященных современному состоянию индологии на Западе, хотелось бы увидеть более полный отзыв о работах Л. Рэну по санскриту и об осуществленных им изданиях санскритских грамматических трактатов. В. Рубен говорит, что знакомство его с работами советских индологов очень ограничено. Он упоминает в своей книге о трудах академиков Ф. И. Щербатского, С. Ф. Ольденбурга, А. П. Баранникова и о работах ряда советских историков. При характеристике работ советских индологов в книгу вкралась неточность. На стр. 24 говорится, что русский перевод Первой песни Махабхараты появился «одновременно» с переводом акад. Баранникова Рамаяны Тулси Даса. Однако перевод акад. Баранникова появился в 1948 г., а перевод Первой песни Махабхараты был опубликован в 1950 г.

Об индийском языкознании автор говорит в главе 7-й «Общественные отношения по данным Ригведы» (стр. 76—89, раздел «Ригведа»), в главе 8-й «Языки Индии» (стр. 89—101), в главе 12-й «Сутры» (стр. 140—153, разделы «Сутра» и «Грамматика»), а также в отдельных местах глав 17-й «Последние два века до нашей эры» (стр. 211), 20-й «Последние века перед исламом» (стр. 243) и 21-й «Ислам в Индии с 636—1500 г. н. э.» (стр. 259—260) и некоторых других.

Справедливо считая, что «грамматика — наиболее разработанная наука индийцев» (стр. 150), В. Рубен видит причины развития науки о языке в практической необ-

¹ См. об этом В. Liebig, Zwei Kapitel der Kāçikā, Breslau 1892, стр. XXVI.

² См., например, работу учителя В. Рубена: Н. Jacobi, Über den nominalen Stil des wissenschaftlichen Sanskrits, Indogerm. Forschungen, Bd. XIV, 1903, стр. 236.

³ Значительный интерес при рассмотрении этого вопроса представляет работа В. С. Воровьева-Десятковского «О раннем периоде формирования языков народностей Северной Индии» («Вестник Ленингр. ун-та», 1954, № 12).

⁴ См. П а л ь м Д а т т, Индия сегодня, перевод с англ., М., 1948, стр. 300—303.

ходимости изучать язык священных ведийских гимнов, в первую очередь его звуковую сторону. Отсюда — развитие в древней Индии прежде всего фонетики, а также этимологии (сборники *nighaṇṭu*).

Далее В. Рубен переходит к характеристике в самых общих чертах грамматики Панини. О работах других ученых, даже таких, как Вараручи Катьяяна и Патанджали, в книге не говорится (исключение представляет Кайята, упоминаемый на стр. 260). Таким образом, хотя вопросы истории наук автор и считает одним из предметов курса «Введение», однако он не касается истории становления науки о языке, а также разнообразной проблематики индийских языковедческих работ и их метода. Неполнота характеристики науки о языке видна и в том, что В. Рубен даже кратко не останавливается на оригинальных работах индийских лексикографов, продолживших традиции *nighaṇṭu*.

Более внимательное отношение к учению о языке в Индии способствует и более глубокому проникновению в тексты, написанные на индийских, особенно на древнеиндийских языках, лучшему пониманию и толкованию текстов. Что же касается важности текстологической работы, то здесь мы вполне согласны с автором (стр. 9). Перед индологами-языковедами стоит сейчас задача не только готовить к изданию неопубликованные еще памятники, но и критически пересматривать существующие старые издания.

*

Подводя итог рассмотрению вопросов языка во «Введении в индологию», следует сказать, что, несмотря на неполноту освещения материала по некоторым вопросам и спорность ряда положений, в книге В. Рубена дается удачное рассмотрение языков на фоне исторического развития Индии, сделанное с учетом ведущих положений марксистского языкознания. Главы и разделы книги, посвященные языкам Индии, а также памятникам индийской литературы и характеристике языка памятников, представляют несомненный интерес для наших языковедов-филологов.

В. А. Коцургина

Э. В. Севортян. **Фонетика турецкого литературного языка.** — М., Изд-во АН СССР, 1955. 152 стр. (Ин-т языкознания АН СССР)

Книга Э. В. Севортяна является первым на русском языке монографическим исследованием фонетики современного турецкого литературного языка. Нет необходимости говорить о том, что такая книга давно ожидалась всеми, кто занимается турецким языком, в первую очередь — учащими и учителями. Книга задумана как пособие; по словам автора, она «предназначена для студентов и аспирантов, специализирующихся по турецкому языку» (стр. 3). Работа написана главным образом на основе имеющейся специальной литературы по вопросам турецкой фонетики и ударения; при изучении ряда вопросов, недостаточно освещенных в имеющейся литературе (долгота гласных, взаимодействие гласных и согласных, смягчение согласных, редукция и выпадение звуков, ударение и некоторые другие), автор опирался также на «собственные наблюдения, собранные им в разное время от живых носителей турецкого языка» (стр. 3).

Э. В. Севортян отмечает, что многие вопросы турецкой фонетики пока не получили удовлетворительного разъяснения, поскольку изучение фонетики турецкого языка все еще ведется на слух, без помощи звукозаписывающих приборов, и решительно высказывается за необходимость лабораторного исследования основных вопросов фонетики турецкого языка; с этим, конечно, нельзя не согласиться.

Известно, что первая попытка экспериментального изучения звуков турецкого языка была предпринята Л. Н. Старостовым¹. Этот первый опыт не нашел пока на страницах специальной печати никакого отклика; в работе, посвященной турецкой фонетике, уместно было бы дать оценку учебнику Л. Н. Старостова.

Книга Э. В. Севортяна состоит из следующих разделов: «Предисловие»; I. «Введение»; II. «Фонемы и их произношение»; III. «Классификация фонем. Взаимодействие фонем»; IV. «Ослабление и выпадение фонем»; V. «Типы слов в турецком языке и стечение фонем»; VI. «Чередование фонем»; VII. «Ударение»; «Литература».

Во «Введении», где рассматриваются некоторые вопросы исторической фонетики турецкого языка, хотелось бы видеть хотя бы краткий очерк истории изучения фонетики турецкого языка с указанием при этом русских работ, имеющих непосредственное отношение к предмету исследования (В. А. Максимов, И. Н. Березин, В. Писарев, В. А. Гордлевский, Н. К. Дмитриев).

¹ См. Л. Старостов, Учебник турецкого языка. (Вводный курс), М., 1951.